

АЛЕКСЕЙ ГРАДОВ

ФАНТОМНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

REC 02:34:56

12 OCT 202X

12 OCT 202X

18+

Алексей Градов

Фантомный свидетель

<https://litres.ru/74379947>

SelfPub; 2026

Аннотация

Майор Илья Краснов — лучший сыщик убойного отдела, чей мозг постепенно превращается в чистый лист. Чтобы не потерять работу, он годами глушит провалы в памяти экспериментальными препаратами. Но однажды на месте убийства влиятельного бизнесмена он обнаруживает улики против самого себя: гильзы от своего табельного оружия и показания свидетеля, который погиб десять лет назад.

Понимая, что за ним охотится собственное руководство, а память подбрасывает чужие воспоминания, Илья начинает смертельную гонку со временем. Его преследует УСБ, его предает собственный рассудок. Пытаясь разоблачить коррупционный заговор в верхушке полиции, Краснов приближается к страшной развязке. Самое ужасное открытие ждет его впереди: кто-то стер его личность, превратив в идеального спящего убийцу. И этот киллер — он сам.

Содержание

Глава 1. Улика в блокноте	4
Глава 2. Цифровой след	30
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алексей Градов

Фантомный свидетель

Глава 1. Улика в блокноте

Капли дробили по натянутому над телом полиэтиленовому тенту с монотонным, усыпляющим треском.

Илья Краснов стоял на границе освещенного пятна, засунув озябшие пальцы глубоко в карманы драпового пальто. Ткань на плечах уже напиталась балтийской влагой, потяжелела и неприятно давила на ключицы. В закрытом дворе-колодце на 7-й линии Васильевского острова пахло прелой листвой, промерзшим гранитным крошечкам и характерной, сладковато-металлической гарью стреляного пороха. Синие всполохи от решеток патрульного «УАЗа» циклично вспыхивали на глухих кирпичных стенах, окрашивая облупленную желтую штукатурку в цвет больничного кафеля.

— Два в корпус. Дистанция — не больше метра, — Фомин, дежурный судмедэксперт, не поднимая головы, зафиксировал штангенциркулем входное отверстие на мокром кашемировом пальто трупа. — Судя по характеру ожога ткани, стреляли почти в упор. Первый пробил правое легкое, второй вошел чуть ниже ключицы. Смерть наступила минут сорок назад. Максимум — час.

Краснов медленно выдохнул. Пар изо рта смешался с дождевой пылью.

— Оружие? — голос Ильи прозвучал глухо, будто через слой ваты. Горло саднило от третьей подряд дешевой сигареты, выкуренной еще по дороге в машине.

— Девять миллиметров, стандарт, — Фомин щелкнул металлическим зажимом, опуская в пластиковый пакет первую деформированную латунную гильзу. — Нарезы четкие. ПМ или служебный «Иж». Ничего экзотического, Илья Николаевич. Обычная ликвидация на выходе из парадной.

Погибший лежал на спине, раскинув руки, словно пытался обнять темный, разъеденный реагентами асфальт. Андрей Стерхов. Сорок восемь лет, совладелец логистической компании «Северный терминал». Дорогой костюм, золотые запонки, нетронутый платиновый хронограф на левом запястье и бумажник, туго набитый пятитысячными купюрами, аккуратно извлеченный оперативниками на раскладной столик. Ограбление отпадало сразу.

Рядом с оцеплением тихо шуршал полиэтиленовый дождевик Марины Орловой. Стажер стояла в полушаге за правым плечом Краснова, методично занося координаты гильз в электронный планшет. Ее стилус выбивал сухой, дробный ритм по стеклу.

— Камеры на въездной арке слепые, — негромко произнесла Марина, не отрываясь от экрана. — Управляющая компания отключила питание три дня назад из-за ремон-

та кабеля. Со двора только два выхода: сквозной проход на Средний проспект и эта арка. Свидетелей на первый взгляд нет, окна нижних этажей темные — там офисы.

— Стерхов жил на четвертом? — спросил Илья.

— На пятом. Мансарда, — отозвалась Орлова. — Личный лифт прямо из подземного паркинга, но сегодня он почему-то оставил «Мерседес» у набережной и пошел через двор пешком. Как будто его кто-то вызвал.

Краснов потянулся во внутренний карман, нащупывая привычную жесткую спираль блокнота в кожаной обложке. Костяшки пальцев ныли от сырости. Он вытащил черную шариковую ручку, щелкнул колпачком и замер, глядя на темное пятно крови, медленно растекавшееся под подошвой мертвого бизнесмена. В глазах на секунду возникло странное ощущение сдвига — будто объектив фотоаппарата резко потерял резкость и перефокусировался на внутренней пустоте.

Он моргнул.

Звук капель о тент внезапно показался оглушительным.

Фомина рядом уже не было. Черный пластиковый мешок для транспортировки тел лежал на асфальте застегнутым наполовину. Санитары укладывали носилки. Синий свет маячков продолжал резать темноту, но тени падали совершенно под другим углом.

Илья опустил взгляд на левое запястье. Старые механические «Командирские» с потертым безелем показывали

22:45.

Холодная волна прокатилась от затылка к пояснице, заставив мышцы спины мгновенно одеревенеть.

Когда они выходили из служебной «Лады» и перешагивали ленту оцепления, на часах было ровно 22:05. Илья отчетливо помнил первый шаг по луже, запах гари, лицо мертвого Стерхова и первую фразу Фомина. Но последующие сорок минут отсутствовали начисто. Ни звуков, ни слов, ни перемещений. Черный, абсолютно плотный вакуум, из которого его выдернул только щелчок собственной ручки.

Краснов стиснул зубы так, что скрипнула эмаль. Дыхание перехватило, но внешне он не позволил себе ни единого лишнего движения. Никакой паники. Только не на глазах у группы. Он прижал локоть к ребрам, чувствуя, как часто и тяжело колотится сердце под мокрым драпом. Это случалось и раньше — легкие выпадения на две-три минуты, когда он забывал, зачем вошел в кабинет или куда положил ключи от сейфа. Но сорок минут посреди активного осмотра места убийства — это была катастрофа.

— Илья Николаевич? — голос Марины прозвучал слишком близко.

Краснов медленно, стараясь не делать резких движений головой, повернулся к ней. Девушка смотрела на него снизу вверх, ее брови были слегка сдвинуты. В ее взгляде не было страха, но сквозило острое, профессиональное недоумение.

— Что? — ровным, намеренно сухим тоном спросил он.

— Вы не расписались в протоколе изъятия, — она протянула ему влажный бумажный бланк на планшете с зажимом. — И... вы уверены насчет гильзы? Эксперт сказал, что маркировка нестандартная, но вы настояли на повторной описи. Мы отправляем ее на баллистику спецпакетом или оставляем в общей описи района?

Илья опустил глаза на планшет. В графе «Особые отметки следователя» стояла строка, выведенная его характерным, уходящим резко вправо почерком: *«Гильза №2 — калибр 9 мм, донная маркировка 71-86, изъята у водосточной трубы»*.

Он не помнил, как подходил к этой трубе. Не помнил, как брал пинцет. Не помнил, как выводил эти буквы пять минут назад.

— Спецпакетом, — отрезал Краснов, перехватывая ручку онемевшими пальцами и ставя быструю, смазанную подпись внизу листа. Чернила на мокрой бумаге слегка поплыли. — Все сомнительные гильзы — только спецпакетом в городскую лабораторию. Сами знаете, как в районе теряют вещдоки.

— Поняла, — Марина забрала планшет, но ее взгляд задержался на его лице на долю секунды дольше положенного. — Вы бледный, Илья Николаевич. Давление?

— Погода, Орлова. Просто дрянная погода, — он спрятал руку обратно в карман пальто, нащупав страницы блокнота, и сжал бумагу так, что картонная обложка хрустнула. — Что

по поквартирному обходу?

— Ребята заканчивают второй подъезд. Большинство не открывает, но консьерж из парадной Стерхова утверждает, что незадолго до хлопков видел человека у пожарной лестницы. Говорит, странный тип, стоял лицом к стене.

Краснов коротко кивнул, делая шаг в сторону от лужи:

— Опроси консьержа еще раз под протокол. Лично. Зафиксируй каждую деталь: рост, обувь, была ли сумка. Я пока проверю входную группу.

Марина кивнула и зашагала к стеклянным дверям парадной, шелестя дождевиком.

Оставшись один у арки, Илья прислонился плечом к сырой кирпичной кладке, спрятавшись от света фар за выступом стены. Пальцы мелко дрожали. Он вытащил блокнот, открыл последнюю заполненную страницу и поднес ее к глазам, щурясь под тусклым светом фонаря.

Почерк на листе был его. Те же угловатые заглавные буквы, та же манера не дописывать хвостики у «д» и «б». Но текст, шедший сразу под описью гильзы, заставил его дыхание замереть:

«Опрос на месте: Смирнов Денис Алексеевич, 1984 г.р. Находился у скамейки в 22:20. Видел стрелка: рост около 185 см, темная штормовка с капюшоном, хромает на правую ногу. Стрелял левой рукой. Направление отхода — через арку в сторону 8-й линии».

Краснов провел пальцем по строчкам. Чернила были аб-

солютно свежими, влажными от сырого воздуха.

Он не знал никакого Дениса Смирнова. Он не помнил, чтобы кто-то вообще подходил к оцеплению за все время работы группы.

Капля с козырька водостока упала прямо на раскрытую страницу, расплывшись по синей пасте мутным серым пятном.

Илья инстинктивно прикрыл блокнот ладонью, размазывая влагу по бумаге. Сердце глухо колотилось где-то в горле. Он поднес блокнот ближе к лицу, почти касаясь носом шероховатых листов. Пахло дешевой целлюлозой, сыростью и чернилами.

Нажим был глубоким. Металлическое перо шарикового стержня продавило бумагу до отчетливого рельефа на обороте — верный признак того, что писавший спешил или сильно сжимал пальцы. Буквы «С» и «О» были сплюснуты с боков, соединительные черточки между «р» и «н» обрывались на середине. Это был его почерк. Он писал так последние двадцать лет, с тех пор как завел привычку строчить протоколы на капоте дежурной машины на морозе.

Но имени «Денис Алексеевич Смирнов» в его памяти не существовало.

Краснов зажмурился, с силой надавив подушечками пальцев на веки. В темноте вспыхнули фосфорные круги. Он попытался выстроить поминутную цепочку: 22:05 — вход во двор. 22:10 — Фомин переворачивает тело Стерхова. 22:15...

Пустота.

Вместо образов в висках запульсировала тупая, сверлящая боль, отдающая в коренные зубы. Перед внутренним взором возник лишь мутный силуэт: мокрое деревянное сиденье лавки возле детской песочницы, шелест ткани и голос. Был ли голос? Звучал ли он глухо, с хрипотцой, или это шумел ветер в вентиляционной трубе? Память подсовывала лишь бессвязные обрывки, которые рассыпались при первой же попытке ухватиться за детали. Ни лица, ни тембра, ни запаха табака от собеседника. Ничего, кроме ровных строчек на бумаге.

— Илья Николаевич?

Краснов резко захлопнул блокнот и сунул его во внутренний карман пальто, одновременно открывая глаза. От резкого движения перед глазами поплыла серая пелена, но он удержал равновесие, упершись лопатками в холодный кирпич.

Марина стояла в двух шагах, стряхивая с капюшона дождевые капли. Лицо у нее было сосредоточенным, губы сжаты в тонкую линию.

— Консьерж — старик, семьдесят два года, зовут Петр Савельевич, — быстро заговорила она, заглядывая в свой планшет. — Сидит в стеклянной будке у лифтов. Стерхова видел около десяти вечера, когда тот выходил со двора пешком. Хлопков не слышал из-за включенного телевизора, но около двадцати двух пятнадцати заметил движение через окно во

двор.

— Хромой? — ровным, бесцветным голосом спросил Краснов, чувствуя, как немеют кончики пальцев в кармане.

Марина подняла на него взгляд. В ее серых глазах мелькнуло удивление.

— Нет. Он говорит, человек двигался быстро, обычной походкой. Только лица не разглядеть — капюшон натянут до носа, куртка темная, скорее всего синяя или черная болонья. Про хромоту ничего не сказал. Сказал только, что тот метнулся к мусорным бакам, постоял там секунд десять и ушел через сквозную арку на Средний.

Илья медленно перевел дыхание через нос. Холодный воздух обжег воспаленную носоглотку.

— Кто-нибудь еще был во дворе в это время? — спросил он, глядя поверх ее плеча на темные окна верхних этажей. — Прохожие? Собачники?

— В такую погоду? — Марина покачала головой. — Двор закрытый, жилыцы заезжают сразу в подземный паркинг. Посторонних здесь почти не бывает, если только не придут за закладками или срезать дорогу. Петр Савельевич утверждает, что кроме вас во дворе никого не было.

Слово «вас» повисло в сыром воздухе тяжелым свинцовым грузом.

Краснов не шелохнулся.

— Кроме меня? — переспросил он, контролируя каждую модуляцию голоса, чтобы в нем не прорезалось ни тени на-

пряжения. — В каком смысле?

— Ну... когда вы осматривали периметр, — Марина слегка повела плечом, словно смущаясь необходимости объяснять очевидное. — Консьерж сказал, что видел в окно следователя в длинном темном пальто. Вы стояли возле лавки у песочницы минут десять. Он еще подумал, что вы нашли там какую-то улику на земле, потому что вы наклонялись и что-то записывали.

У Ильи внутри все оборвалось и ухнуло вниз, в ледяную пустоту.

— Я стоял там один?

Марина нахмурилась. Ее взгляд стал более цепким, аналитическим — взгляд отличницы юрфака, заметившей нестыковку в материалах дела.

— Конечно, один. Оцепление выставили в двадцать два десять. Ребята из ППС никого постороннего во двор не пускали. А с кем вы должны были там стоять?

Краснов ощутил, как по спине между лопаток сползает струйка холодного пота. Блокнот во внутреннем кармане жег грудь через свитер и рубашку, словно кусок раскаленного металла. Он стоял у лавки один. Писал в блокнот один. Но на бумаге черным по белому были зафиксированы имя, фамилия, отчество, год рождения и детальные приметы убийцы, якобы полученные от живого человека.

«Я схожу с ума, — мелькнула четкая, сухая мысль, от которой во рту появился отчетливый вкус меди. — Оно про-

грессирует быстрее, чем говорил врач. Намного быстрее».

— Проверял акустику, — хладнокровно соврал Краснов, глядя прямо в глаза стажеру. — Пытался понять, мог ли стрелок обойти двор по слепой зоне за детской площадкой. Консьерж мог видеть меня со своего места, но обзор там перекрыт трансформаторной будкой.

Марина помедлила секунду, словно взвешивая его слова, затем коротко кивнула и сделала пометку стилусом:

— Логично. Будка действительно закрывает угол въезда. Фомин закончил опись тела, труповозка уже на подъезде. Полковник Тарасов звонил дважды, пока вы были у арки. Спрашивает, есть ли предварительные зацепки до утреннего селектора. Что ему передать?

Упоминание Тарасова отозвалось глухим ударом в затылок. Полковник не терпел неопределенности. Если Краснов доложит о свидетеле, данные немедленно уйдут в розыскной отдел и систему «Безопасный город». Если этого свидетеля нет в природе, система выдаст ошибку за двадцать минут, и тогда посыплются вопросы, на которые у Ильи не будет ответов. А если свидетель реален, но сам Илья не помнит контакта — сокрытие информации станет служебным преступлением.

— Передай, что работаем по горячим следам, — жестко сказал Краснов. — Конкретику дадим после вскрытия и осмотра внешнего периметра. Где сейчас криминалистический микроавтобус?

— На выезде, у второй арки. Ждут команду на сворачивание.

— Иди к экспертам, проконтролируй опечатывание пакетов со Стерхова. Личные вещи, особенно телефон, только под двойную подпись. Я проверю лабораторию.

Марина молча развернулась и зашагала по мокрому асфальту в сторону застегнутого черного мешка, вокруг которого суетились санитары.

Илья выждал несколько секунд, пока ее шаги не стихли за шумом дождя, и быстро направился к выезду из двора. Ноги двигались механически, подошвы скользили по жирной грязи вперемешку с опавшими кленовыми листьями. Возле синего микроавтобуса «Газель» с надписью «Следственный комитет» слабо гудел бензиновый генератор, выбрасывая в сырой воздух едкий выхлоп.

Краснов дернул ручку задней двери и поднялся в тесный, освещенный тусклыми люминесцентными лампами салон лаборатории.

Внутри пахло растворителем, термобумагой и остывшим растворимым кофе. За широким столом, заставленным мониторами и блоками видеозахвата, сидел капитан Седых — штатный техник группы. На нем были надеты массивные наушники, на одном из экранов циклично крутилась цветная сетка тестовой таблицы.

— Седых, — окликнул его Краснов, закрывая за собой дверь и отсекая внешний шум дождя.

Техник вздрогнул, стянул наушники на шею и обернулся: — А, Илья Николаевич. Замерзли? Мы уже упаковываемся, первичку с перекрестка 7-й и Среднего стянули.

— Покажи мне обзорную с ювелирного салона напротив въезда, — Краснов подошел вплотную, нависая над столом и опираясь обеими руками на край столешницы, чтобы скрыть дрожь в пальцах. — Интервал с двадцати двух пятнадцати до двадцати двух тридцати.

— Так там угол мертвый почти на весь наш двор, — пробормотал техник, но послушно застучал по клавиатуре. — Только кусок детской площадки цепляет и край лавки.

— Выводи, — приказал Краснов.

Экран моргнул, сменив тестовую таблицу на зернистое, черно-белое изображение двора под косыми полосами дождя. В правом верхнем углу бежали зеленые цифры таймкода: 22:18:04.

Зеленые цифры таймкода равнодушно отсчитывали секунды на зернистом мониторе. Двадцать два, восемнадцать, десять. Капли дождя на объективе уличной камеры искажали картинку, размывая контуры припаркованных машин в грязные серые пятна. Внутри тесного салона передвижной лаборатории пахло нагретым пластиком и застарелым сигаретным дымом.

Илья впился взглядом в экран, стиснув край столешницы так, что побелели костяшки. В правом нижнем углу кадра, на границе освещенной зоны, появилась детская песочница

и край мокрой деревянной скамейки.

Двадцать два, девятнадцать.

В кадр вошел человек в длинном темном пальто. Фигура двигалась медленно, тяжело переступая через лужи. Краснов безошибочно узнал собственную сутулую спину и характерный наклон головы — так он всегда прятал лицо от встречного ветра. Экранный Илья остановился в полуметре от скамейки.

— А, вот и вы, Илья Николаевич, — зевнул капитан Седых, потирая покрасневшие от недосыпа глаза. — Периметр осматриваете. Говорю же, тут мертвая зона, ничего интересного.

Краснов не ответил. Он перестал дышать, боясь спугнуть изображение.

На мониторе время перевалило за двадцать два, двадцать. Экранный Илья сунул руку во внутренний карман, достал блокнот и шариковую ручку. Он встал вполоборота к камере, глядя прямо на деревянные рейки скамейки. И начал писать.

Его голова ритмично покачивалась. Он делал паузы, словно вслушивался, кивал самому себе и снова торопливо строčil на мокрой бумаге. Его губы двигались. Он явно задавал вопросы, дожидался ответов и тщательно фиксировал их в протокол.

Только скамейка перед ним была абсолютно пуста.

Никакого Дениса Смирнова не существовало. Ни мужчины с глубоким шрамом, ни человека в сером плаще. Никого.

Экранный Краснов стоял под проливным дождем в пустом дворе и вел подробный, обстоятельный допрос невидимого собеседника.

— Илья Николаевич? — голос Седых пробился сквозь нарастающий в ушах белый шум. — Что-то не так? Увеличить квадрат?

— Нет, — голос Краснова треснул, прозвучав как скрежет ржавого металла. Он сглотнул вязкую слюну, пытаясь протолкнуть ком в горле. — Оставь.

Седых покосился на него со странным выражением, затем снова перевел взгляд на монитор.

— Вы там... сами с собой разговариваете? — осторожно спросил техник, пытаясь свести все к неудачной шутке. — Мысли вслух?

— Диктовал приметы с места, — сухо отрезал Илья. Ложь вырвалась на автоматизме, инстинкт самосохранения сработал быстрее разрушающегося разума. — Фомин попросил зафиксировать расположение осколков стекла у лавки, чтобы не размыло. Скинь мне этот фрагмент на флешку и сворачивайтесь. Здесь ловить нечего.

Не дожидаясь ответа, Краснов резко развернулся и толкнул тяжелую дверь лаборатории.

Холодный ноябрьский ветер ударил в лицо, принося мгновенное, но обманчивое облегчение. Илья спустился на мокрый асфальт и пошел прочь от двора, не разбирая дороги. Мышцы ног казались ватными. Он завернул за угол,

скрывшись в густой тени трансформаторной будки, привалился спиной к мокрой стене и судорожно выдохнул.

Рука сама потянулась к карману. Блокнот обжигал грудь сквозь ткань.

Если он сошел с ума окончательно, если его мозг сам сгенерировал фигуру свидетеля из-за прогрессирующей болезни... откуда взялись детали? Илья достал блокнот, открыл его в темноте, не видя букв, но помня их наизусть. **Стрелок. Рост около 185 сантиметров. Темная штормовка. Хромает на правую ногу. Стрелял левой рукой.**

Больной мозг мог выдумать Дениса Смирнова. Но больной мозг не мог выдумать траекторию полета пули, гильзы и человека в капюшоне, которого, как только что подтвердила Марина, действительно видел консьерж в это же самое время.

Его галлюцинация знала факты, которых не знал он сам. За спиной, со стороны Среднего проспекта, взывала сирена патрульной машины. Краснов закрыл глаза, чувствуя, как ледяные капли стекают за воротник рубашки. Дело Стерхова только что перестало быть просто убийством. Кто-то забрался к нему в голову, в святая святых, и использовал его провалы в памяти, чтобы вложить в его руки идеальную ложную улику. И самое страшное — Илья не имел ни малейшего понятия, как доказать это, не подписав себе приговор в психиатрическое отделение.

Зеленые цифры таймкода в правом верхнем углу мони-

тора пульсировали с равнодушной, ритмичной методичностью. 22:18:04... 22:18:05... 22:18:06...

Внутри мобильной лаборатории стоял спертый, тяжелый запах. Он складывался из множества микроскопических слоев, которые обостренное тревогой обоняние Краснова выхватывало с болезненной ясностью: едкий душок канифоли и нагретого пластика от серверной стойки, кислая нота остывшего растворимого кофе в пластиковом стаканчике Седых, влажная шерсть его собственного пальто и въевшийся в обивку кресел застарелый табачный дым. Бензиновый генератор, установленный снаружи, издавал низкочастотный гул, от которого пол микроавтобуса едва заметно вибрировал, передавая эту дрожь через подошвы ботинок прямо в колени следователя.

Илья стоял, нависая над плечом техника, упершись побелевшими костяшками пальцев в край столешницы из дешевого серого ламината. Он заставил себя дышать медленно, на четыре счета вдох, на шесть — выдох, как учил его психотерапевт ведомственной клиники, когда начались первые панические атаки. Но сейчас эта техника не работала. Воздух казался густым, вязким, словно наполовину состоял из машинного масла и воды.

На экране монохромная матрица камеры наружного наблюдения ювелирного салона фиксировала двор-колодец. Качество оставляло желать лучшего: объектив был залит дождем, инфракрасная подсветка высвечивала лишь плотную

завесу падающих капель, превращая их в белые трассирующие линии на фоне непроглядной черноты. Однако угол охвата, несмотря на скепсис Седых, действительно цеплял въездную арку, кусок обшарпанной стены трансформаторной будки и край детской площадки. В самом низу кадра, искаженная перспективой, виднелась деревянная скамейка с чугунными подлокотниками.

Та самая скамейка.

— Скорость воспроизведения нормальная, — пробормотал капитан Седых, не отрывая взгляда от экрана и машинально почесывая щеку. Щетина у него отросла, под глазами залегли глубокие фиолетовые тени — группа работала без выходных уже вторую неделю. — Картинка сыплется из-за дождя. Матрица старая, шум давит алгоритмы сжатия. Но если кто-то крупный пройдет, силуэт мы вытянем. Кого ищем-то, Илья Николаевич?

— Смотри на экран, — глухо отозвался Краснов. Звук собственного голоса показался ему чужим, словно он говорил через слой плотного картона. — Просто смотри.

Таймкод отщелкал еще тридцать секунд. 22:18:45.

Двор на экране оставался безжизненным. Никакого движения, кроме сплошной стены осадков и редких вспышек проблесковых маячков, чьи отсветы ложились на мокрый асфальт бледными, размытыми пятнами.

Краснов чувствовал, как под воротником рубашки собирается ледяная испарина. В его внутреннем кармане, при-

жатый к ребрам, лежал блокнот. Запись была там. Он чувствовал ее физически, словно чернила обладали собственной температурой. Денис Алексеевич Смирнов. Рост сто восемьдесят пять. Темная штормовка. Хромает на правую ногу.

Если этот человек существовал, если он действительно стоял у скамейки и давал показания, он должен был появиться в кадре с секунды на секунду. Иначе...

Илья сглотнул вязкую слюну. Вкус металла во рту усилился, став почти невыносимым, как будто он положил на язык медную монету. Мысль об «иначе» была черной, обрывистой и пугающей. Она возвращала его на три месяца назад, в стерильно-белый кабинет невролога в закрытом госпитале МВД. Доктор Ливанов, старый знакомый, которому Илья доверял, тогда долго смотрел на снимки МРТ, прежде чем снять очки и протереть переносицу.

«Это не просто переутомление, Илюша, — голос Ливанова тогда звучал тихо, почти извиняюще. — Гиппокамп показывает аномальную активность. Когнитивное снижение, ранние маркеры. Мы можем купировать симптомы, замедлить процесс, но... провалы в кратковременной памяти станут чаще. А при сильном стрессе мозг начнет компенсировать лакуны. Дистраивать реальность, чтобы избежать шока. Ложные воспоминания. Конфабуляции».

Тогда Краснов отказался верить. Он выписал рецепт на ноотропы, забрал снимки и поклялся себе, что продержится

до пенсии. Он пил горсти таблеток по будильнику. Он начал все записывать в блокнот. Он превратил свою жизнь в строгий, нерушимый алгоритм. Но сегодня утром он забыл блистер на кухонном столе. Просто забыл, отвлекшись на звонок Тарасова. И теперь реальность давала трещину, расплываясь по швам прямо у него на глазах.

22:19:12.

— О, движение пошло, — Седых подался вперед, прищурившись, и ткнул пальцем в левый нижний угол монитора. — Это вы, товарищ майор?

Из тени въездной арки в поле зрения камеры вышел человек. Высокая, сутулая фигура в длинном темном пальто. Краснов узнал собственную походку — тяжелую, чуть вразвалку, с привычкой прятать руки глубоко в карманы. Пиксельный двойник на экране остановился у края лужи, осмотрелся по сторонам, а затем медленно, словно нехотя, направился к детской площадке.

Илья вцепился в стол так, что под ногтями закололо.

На экране его фигура подошла к чугунной скамейке.
22:19:40.

— Осматриваете периметр, — констатировал Седых, поднося к губам стаканчик с кофе и делая глоток. — Никого нет. Пусто.

— Дальше, — процедил Краснов сквозь стиснутые зубы. — Не отвлекайся.

Таймкод перевалил за отметку 22:20. Время, указанное в

блокноте. Время контакта.

На черно-белом мониторе фигура Краснова внезапно остановилась. Человек в пальто повернулся лицом к скамейке. Камера смотрела на него немного сверху и сбоку, так что лица было не разобрать, но язык тела читался безошибочно. Силуэт Краснова извлек из-за пазухи небольшой предмет — блокнот. Затем последовало характерное движение свободной руки — щелчок ручкой.

Илья на экране замер, опустив голову, словно вслушиваясь.

Рядом с ним не было никого.

Скамейка была абсолютно пуста. Мокрые деревянные рейки блестели под светом далекого фонаря. Вокруг не было ни единой живой души — ни хромого мужчины в штормовке, ни случайного прохожего, ни собаки. Только песочница, засыпанная мокрыми листьями, и косые линии дождя.

Но человек на экране вел себя так, будто перед ним стоял собеседник.

Краснов с ужасом смотрел, как его пиксельный двойник кивает. Один раз. Второй. Затем фигура поднимает руку с ручкой, делает короткий жест в сторону арки, словно переспрашивая направление, и снова опускает взгляд в блокнот, быстро строча по страницам.

Секунды текли бесконечно медленно. 22:20:45...
22:21:10...

Около двух минут экранный Краснов продолжал этот без-

молвный, чудовищный в своей обыденности диалог с пустотой. Он переступал с ноги на ногу, менял позу, наклонялся чуть вперед, как делают следователи, когда хотят расположить к себе напуганного свидетеля или расслышать тихий голос. Он реагировал на реплики, которых не существовало в природе. Он записывал приметы убийцы, продиктованные призраком, порожденным его собственным разрушающимся сознанием.

— Илья Николаевич... — голос Седых прорвался сквозь гул в ушах не сразу. Техник повернулся в кресле, глядя на следователя снизу вверх с нескрываемым подозрением и легкой опаской. — А с кем вы там разговариваете?

В тесном салоне повисла плотная, звенящая тишина. Только генератор снаружи продолжал ровно урчать.

Краснов почувствовал, как мир вокруг него начинает крепнеть. Тошнота подступила к горлу резким, кислотным комком. Мозг отчаянно пытался найти логическое объяснение, зацепиться за любую рациональную соломинку. *Слепое пятно камеры? Нет, площадка просматривается насквозь. Свидетель стоял за деревом? Там нет деревьев, только голый кустарник. Радиосвязь? У него нет гарнитуры.*

Он сходил с ума. Прямо сейчас, на глазах у подчиненного, под запись камер ведомства.

— Илья Николаевич? — Седых нахмурился, его рука потянулась к клавиатуре, чтобы поставить видео на паузу. — Вам плохо? Вы белый весь.

Инстинкт самосохранения, выкованный за двадцать лет службы в органах, сработал быстрее, чем парализованный страхом рассудок. Тело среагировало на угрозу разоблачения автономно, включив защитные протоколы матерого оперативника.

— Не трогай паузу, — голос Краснова прозвучал резко, жестко, как удар кнута. Металлические нотки вернулись, вытеснив дрожь. Он выпрямился, убирая руки со стола, и засунул их в карманы пальто, чтобы техник не заметил их тремора.

Седых замер, убрав пальцы от клавиши пробела.

— Смотри на таймкод, капитан, — Краснов заставил себя наклониться ближе, вторгаясь в личное пространство техника, подавляя его авторитетом. — Двадцать два, двадцать одна. Видишь угол наклона головы?

— Ну... вижу, — растерянно протянул Седых, моргая.

— Я моделировал траекторию отхода, — Краснов врал с холодной, методичной уверенностью, каждое слово давалось ему ценой колоссального внутреннего напряжения, но внешне он оставался скалой. — Консьерж дал показания, что видел движение у арки. Я проверял сектора обзора. Диктовал самому себе хронометраж и ориентиры, чтобы не забыть, пока иду до машины. Прикидывал рост стрелка по уровню кирпичной кладки на фоне ворот. Понял?

Седых несколько секунд смотрел на экран, где пиксельный Краснов наконец захлопнул блокнот и медленно побрел

прочь от пустой скамейки. Затем техник перевел взгляд на следователя. В его глазах все еще читалось сомнение — люди редко кивают пустоте, просто прикидывая рост подозреваемого, — но спорить со старшим по званию, тем более с человеком с репутацией Краснова, он не решился.

— Понял, товарищ майор, — Седых кашлянул и отвернулся к монитору. — Значит, на камере никого. Сплошной глухарь. Я тогда скидываю этот кусок в общий архив и глушу аппаратуру? Нам еще на базу ехать, пробки начинаются.

— Скидывай. И давай без самодеятельности в отчетах. Напишешь: «внешний периметр чист, посторонних лиц не зафиксировано», — Краснов развернулся к выходу, чувствуя, как деревянные, непослушные ноги с трудом переступают по рифленому резиновому полу фургона. — Я буду в своей машине. Пусть Орлова найдет меня, когда закончит с судмедэкспертом.

Он толкнул металлическую дверь и шагнул наружу, в холодную, сырую ночь.

Резкий порыв балтийского ветра ударил в лицо, бросив пригоршню ледяных капель прямо в глаза. Краснов не стал отворачиваться. Он стоял у подножки лаборатории, тяжело дыша, словно только что пробежал марш-бросок с полной выкладкой. Дождь барабанил по плечам, стекал за воротник, охлаждая пылающую кожу.

Вокруг суетились люди. Санитары уже грузили черный пластиковый мешок на носилки, чтобы отправить тело Стер-

хова в морг на Екатерининском. Оперативники снимали желтую ленту оцепления. Жизнь шла своим чередом, процессуальная машина работала, перемалывая факты и улики.

Но для Ильи мир только что раскололся надвое.

Он сунул замерзшие руки глубоко в карманы пальто, ссутулившись под тяжестью осознания. Его собственный мозг создал фантома. Детально проработанного фантома с именем, фамилией, возрастом и историей. Мозг заставил его тело подойти к скамейке, вступить в диалог, записать показания, а затем аккуратно вырезал эти сорок минут из памяти, оставив лишь бумажный след.

Если Тарасов узнает об этом — это конец. Не просто увольнение по статье о профнепригодности. Это принудительное лечение. Психушка. Лишение допуска, пенсии, оружия. Лишение всей его жизни, в которой не было ничего, кроме работы.

Краснов стиснул зубы и сжал кулаки в карманах. Правая рука, нащупав дно кармана, внезапно наткнулась на что-то бумажное. Не блокнот. Что-то тонкое, смятое, чужеродное.

Он нахмурился. Утром пальто висело в шкафу химчистки, карманы были абсолютно пусты.

Илья медленно вытащил руку. Между указательным и средним пальцами был зажат небольшой прямоугольник термобумаги, слегка отсыревший по краям. Он поднес его ближе к лицу, щурясь в тусклом свете уличного фонаря.

Это был кассовый чек.

Синие чернила принтера четко отпечатались на белом фоне. Сверху красовался логотип сети кофейен «Зерно и турка» — заведения, которое находилось на Лиговском проспекте, в двадцати километрах от Васильевского острова, прямо напротив здания Главного следственного управления.

Краснов скользнул взглядом ниже.

Время пробития: 21:15. (За пятьдесят минут до того, как он прибыл на место убийства).

Позиция 1: Эспresso двойной — 1 шт. Позиция 2: Американо без сахара — 1 шт. Итог: 450 руб. Оплата наличными.

Илья смотрел на бумажку, и его сердце, только что начавшее успокаиваться, снова сорвалось в бешеный, аритмичный галоп.

Он никогда не пил американо. Его желудок не переносил большой объем кофе, он всегда брал только двойной эспрессо. И уж тем более он не платил наличными уже года три, пользуясь исключительно зарплатной картой. Но кто-то купил два кофе на Лиговском за час до убийства, и этот чек оказался в его застегнутом кармане.

Он поднял глаза, глядя в темноту двора. Капли дождя разбивались об асфальт.

Кто-то был с ним этим вечером. Кто-то абсолютно реальный. И этот кто-то знал о провалах в его памяти, методично превращая следователя Краснова в идеальную, послушную марионетку.

Глава 2. Цифровой след

Марионетку, чьи нити уходили в слепую зону его собственного разума. Краснов стоял под косыми ударами дождя, не чувствуя, как ледяная вода проникает за воротник, затапливая пространство между лопатками. Синие чернила на термобумаге под натиском влаги начали медленно расплываться, превращая четкие буквы в размытые, грязные пятна. Еще минута — и чек превратился бы в бесполезный мокрый комочек, но Илья резким, почти судорожным движением спрятав его во внутренний карман, подальше от влаги и чужих глаз. Туда же, где лежал проклятый блокнот.

Ночь так и не принесла спасительной амнезии, на которую он втайне надеялся. Она не стерла воспоминания о пустой скамейке, а лишь растянулась, превратившись в долгую, вязкую пытку.

Спустя восемь часов эта ночь растворилась в свинцовом, удушливом петербургском рассвете.

Стекла служебной «Лады» плотно запотели изнутри. Илья сидел на водительском сиденье, откинув спинку до упора. Двигатель тихо вибрировал на холостых оборотах, печка гнала в салон сухой, пережженный воздух, пахнувший плавящейся изоляцией и старой пылью, но этот жар не мог прогнать глубокий, въевшийся в кости озноб. Краснов провел ладонью по лицу, стирая испарину. Кожа казалась чужой, стяну-

той, под глазами залегли тяжелые мешки, пульсирующие в такт сердечному ритму. Он не сомкнул глаз ни на минуту.

За мутным, покрытым мелкой сеткой конденсата лобовым стеклом просыпался Лиговский проспект.

Утренний туман съедал перспективу улицы, превращая тяжелые фасады доходных домов в плоские серые декорации. По мокрому асфальту, шипя шинами, проносились редкие уборочные машины и первые троллейбусы, выхватывая желтыми фарами куски брусчатки. Прямо по курсу, на противоположной стороне улицы, сквозь молочную пелену неоновым оранжевым светом мерцала вывеска: «Зерно и турка». Буква «р» в слове «турка» ритмично подмигивала из-за неисправного дросселя, раздражая воспаленную сетчатку.

Илья смотрел на эту вывеску уже два часа. Он приехал сюда сразу после того, как сдал дежурство и формально отправил Марину отсыпаться.

Он снова сунул руку в карман и достал чек. Теперь бумага высохла, стала жесткой и покоробилась, но время пробытия оставалось читаемым. 21:15. Пятьдесят минут до того, как он переступил границу оцепления во дворе на Васильевском. Пятьдесят минут, которых не существовало в его памяти.

Следователь попытался реконструировать вечер. Выезд из управления состоялся в 20:30. Он ехал один, Марина задержалась в архиве и обещала подтянуться прямо на место преступления. По логике, он должен был сразу поехать на

Васильевский, но Лиговский находился совершенно в другой стороне, образуя крюк минимум в сорок минут по вечерним пробкам. Зачем он сюда приехал? Кому предназначался американо без сахара?

Краснов опустил стекло. В салон ворвался влажный, насыщенный запахом выхлопных газов и мокрого гранита воздух. Шум проспекта ударил по барабанным перепонкам.

Внутри кофейни загорелся теплый ламповый свет. К стеклянной двери подошел высокий, нескладный парень в черном фартуке. Он провернул ключ в замке, перевернул табличку с надписью «Закрыто» на «Открыто» и принялся протирать столики тряпкой, двигаясь с сонной, автоматической грацией.

Илья заглушил двигатель. Щелчок ключа в замке зажигания прозвучал в тишине салона как ружейный боек.

Ему нужно было зайти туда. Зайти и задать вопросы, которые следователи задают каждый день, но сделать это так, чтобы бариста не понял, что следователь расследует собственные перемещения. Одно неверное слово — и парень, если он обладает хоть каплей наблюдательности, может упомянуть этот странный визит в случайном разговоре. А если Тарасов уже начал копать под него, любая сплетня ляжет в рапорт службы собственной безопасности.

Краснов потерял саднящую переносицу. Головная боль, затихшая было к утру, снова начала стягивать затылок железным обручем. Он открыл бардачок, нащупал блистер с но-

отропами и выдавил на ладонь белую таблетку. Закинул ее в рот, проглотил всухую, поморщившись от горького мелового осадка на языке.

Выдохнув, Илья потянул ручку дверцы. Ботинки коснулись мокрого асфальта, чавкнув в неглубокой луже. Он поднял воротник пальто, защищаясь от колючего утреннего холода, захлопнул машину и не спеша, стараясь сохранять привычную тяжелую осанку, направился через пешеходный переход прямо к мерцающей оранжевой вывеске.

Ему предстояло узнать, с кем он пил кофе накануне вечером. Или же убедиться, что второй человек, как и свидетель на скамейке, существовал только в его разрушающемся сознании.

Колокольчик над дверью звякнул с неуместной, раздражающей бодростью, когда Краснов налег плечом на тяжелую стеклянную створку и переступил порог. Контраст между промерзлой, сырой улицей и нутром кофейни оказался почти физически болезненным. Густой, горячий воздух, пропитанный ароматами свежей арабики, карамельного сиропа и корицы, обрушился на него, мгновенно осаживаясь мелкой испариной на холодной коже лица.

Внутри царил модный полумрак в стиле лофт: кирпичная кладка, выкрашенная в графитовый цвет, лампы Эдисона, свисающие на толстых витых шнурах, и низкие деревянные столики с бархатными креслами. За массивной барной стойкой из полированного дуба шипела хромированная эспрес-

со-машина, выпускающая облака белого пара.

Тот самый высокий парень в черном фартуке стоял спиной ко входу, методично выбивая кофейную таблетку из холдера в мусорный бак. Звук ударов металла о пластик отдавался в висках Ильи короткими, тупыми пульсациями.

— Доброе утро, — не оборачиваясь, бросил бариста. Голос у него был хриплым, утренним, лишенным той натянутой приветливости, которую обычно требуют стандарты обслуживания. — Открыты, но эспрессо будет только через три минуты. Бойлер еще не набрал температуру.

Краснов молча подошел к стойке. Он не снял пальто, лишь расстегнул верхнюю пуговицу, чтобы облегчить дыхание. Парень, наконец, повернулся, вытирая руки вафельным полотенцем. На его бейдже из темного дерева было выжжено имя: «*Артем*». На предплечьях, выступающих из-под закатанных рукавов рубашки, виднелись свежие, еще красноватые контуры татуировок. Взгляд Артема скользнул по помятому, бледному лицу Ильи, по влажной ткани его тяжелого драпового пальто, и в глазах парня мелькнуло мимолетное узнавание, тут же сменившееся легкой настороженностью.

Краснов уловил эту перемену мгновенно. Многолетняя привычка читать лица сработала раньше, чем он успел сформулировать вопрос. Парень его помнил.

Илья медленно, чтобы не спугнуть свидетеля резким движением, достал из внутреннего кармана красное удостоверение и раскрыл его на уровне глаз баристы.

— Следственный комитет. Майор Краснов, — голос Ильи прозвучал ровно, по-деловому сухо, маскируя бушующую внутри панику. — У меня есть пара вопросов, Артем. Это не займет много времени.

Артем перестал вытирать руки, бросил полотенце на столешницу и коротко кивнул, нервно сглотнув: — Да, конечно. Что-то случилось? Мы только открылись, касса еще пустая...

— Касса меня не интересует, — Краснов убрал удостоверение и положил на дубовую стойку смятый, слегка покоробленный от влаги чек. Придвинул его двумя пальцами к баристе. — Меня интересует вчерашний вечер. Этот чек пробит в вашей смене. Двадцать один пятнадцать. Вспоминай.

Артем наклонился над клочком термобумаги. Его взгляд пробежался по позициям, затем он поднял глаза на следователя. Настороженность на его лице сменилась откровенным недоумением.

— Ну да, мой чек, — неуверенно протянул он, почесав бровь. — Я вчера закрывал смену. Эспрессо и американо без сахара. Я помню этот заказ. Но... я не совсем понимаю, товарищ майор. В чем проблема? Оплата прошла нормально, фальшивых купюр не было.

— Меня интересует не оплата, — Краснов облокотился о стойку, подавшись вперед, вторгаясь в личное пространство парня и вынуждая того слегка отшатнуться. Этот классический прием допроса он выполнял на автомате, мышечной памятью. — Меня интересует человек, который сделал

этот заказ. Опиши его. С кем он был? Кто с ним встречался?

Артем нахмурился, его взгляд снова метнулся от чека к лицу Ильи, и в этом взгляде недоумение начало граничить с абсурдом. Парень неловко переступил с ноги на ногу, словно ожидая, что это какая-то странная проверка или розыгрыш.

— Простите, я не улавливаю... — Артем нервно усмехнулся, разводя руками. — Человек, который сделал этот заказ — это вы. Вы зашли вчера около девяти вечера. В этом же самом пальто, только оно было сухое. Сели вон за тот угловой столик у окна, за фикусом.

Слова ударили Краснова под дых с силой свинцовой дроби.

Он ожидал этого. Логика подсказывала, что чек в его кармане мог оказаться только в том случае, если он сам находился в кофейне. Но услышать подтверждение из уст постороннего человека оказалось невыносимо тяжело. Земля под ногами качнулась, дубовая стойка на секунду потеряла четкие очертания. Илья вцепился пальцами в край столешницы, чувствуя под ногтями жесткую текстуру дерева. Это был якорь. Сенсорный якорь. *Дерево. Твердое. Запах кофе. Шум машин за окном.*

Он заставил себя сделать короткий вдох через нос, удерживая на лице маску невозмутимого, чуть раздраженного полицейского начальника.

— Я в курсе, что я здесь был, Артем, — тон Краснова стал жестче, приобрел металлический оттенок, отсекающий

лишние вопросы. — Это была оперативная встреча. Я ждал информатора. Человека, который должен был передать мне документы по одному серьезному делу. Я спрашиваю тебя о нем. О том, кто сидел напротив меня.

Ложь сорвалась с губ легко, без единой заминки. Мозг, спасая сам себя от полного разрушения, моментально выстроил защитную легенду, логичную и неоспоримую для гражданского.

Артем заморгал, явно сбитый с толку таким поворотом. Он посмотрел на угловой столик, на который указал Краснов, затем снова на следователя.

— Но... к вам никто не подошел, — медленно, тщательно подбирая слова, произнес бариста. — Вы просидели там минут двадцать. Совершенно один.

— Ты уверен? — Илья прищурился, включая максимальный нажим. — Вспоминай лучше. Мужчина, около сорока, высокий, возможно прихрамывал. Темная куртка с капюшоном. Он мог подсесть ко мне на пару минут, пока ты отвернулся к кофемашине.

— Товарищ майор, зал был почти пустой. Перед закрытием никого не было, только девочка-студентка с ноутбуком у входа, но она ушла в девять, — голос Артема зазвучал тверже, в нем появилась уверенность человека, который точно знает, что говорит правду. — Я стоял прямо здесь, мыл оборудование. Я прекрасно видел ваш столик. Вы зашли один. Сделали заказ. Я отбил чек, вы расплатились наличными. Я

сам отнес вам поднос. Вы поставили двойной эспрессо перед собой, а американо отодвинули на противоположный край стола. К пустом креслу.

Краснов молчал. Металлический привкус на корне языка стал обжигаяще едким.

— А дальше? — глухо выдавил он. — Что было дальше?

Артем замялся, его взгляд забегал. Ему явно было некомфортно продолжать, словно он боялся оскорбить представителя власти или ляпнуть лишнее.

— Говори как есть, парень, — процедил Илья. — Для следствия важна любая деталь. Информатор мог испугаться и подать мне знак издалека. Что я делал?

— Вы... вы разговаривали, — тихо сказал Артем. Он взял тряпку и начал бесцельно тереть и без того чистую столешницу. — Я сначала не обратил внимания, думал, вы по телефону говорите. Сейчас же наушники эти, беспроводные, в ухе не видно. Но потом я пошел протирать соседний стол и услышал... Ну, вы не говорили по телефону. Вы обращались к пустому креслу. Кивали. Спорили о чем-то вполголо-са. Я еще тогда подумал: странный мужик, сидит, смотрит на нетронутую чашку кофе и ведет с ней светскую беседу. Извините.

В ушах Краснова нарастал тонкий, пронзительный звон, похожий на писк неисправной радиостанции.

Значит, фантом со скамейки во дворе был не первым. Все началось раньше. Здесь, в этом теплом, пахнущем корицей

зале. Его разрушающийся гиппокамп не просто стер сорок минут памяти на месте убийства — он сфабриковал полноценного собеседника за час до этого. Мозг создал иллюзию, заставил его купить второй кофе, усадил несуществующего человека напротив и вел с ним беседу. А затем, когда иллюзия закончилась, выключил запись, оставив Илью с абсолютно чистым листом вместо памяти. И этот фантом переключал вместе с ним на Васильевский остров, чтобы стать Денисом Смирновым, свидетелем убийства.

«Когнитивное снижение. Конфабуляции», — голос доктора Ливанова эхом отдался в голове, теперь звуча не сочувствующе, а как зачитываемый смертный приговор.

Краснов опустил глаза на свои руки. Пальцы, намертво вцепившиеся в край дубовой стойки, дрожали. Мелкой, противной дрожью, которую невозможно было остановить усилием воли. Он медленно убрал их в карманы пальто.

— Ясно, — произнес Илья. Голос прозвучал пугающе спокойно, словно принадлежал роботу, воспроизводящему заранее записанный аудиофайл. — Значит, информатор почувал наружку и не зашел. А я разыгрывал спектакль для тех, кто мог пасти нас снаружи. Создавал видимость встречи.

Артем понимающе кивнул, и на его лице отразилось облегчение — объяснение сыщика показалось ему куда логичнее и безопаснее, чем мысль о том, что майор юстиции просто сумасшедший.

— Хитро, — уважительно протянул бариста. — Как в ки-

но.

— Да. Как в кино, — Илья медленно поднял голову и посмотрел в правый верхний угол зала. Там, под самым потолком, среди матово-черных вентиляционных труб, тускло поблескивал стеклянный купол камеры видеонаблюдения. Ее красный диод ровно горел, фиксируя пустой утренний зал.

У него оставался один, последний шанс доказать себе, что он еще контролирует реальность. Камера на Васильевском засняла его одного. Если эта камера покажет то же самое — если на записи он будет сидеть и разговаривать с пустым креслом, — значит, игра окончена. Значит, он действительно болен, и его место в закрытой клинике, а не в кабинете следователя.

Но если... Если в его памяти зияет дыра не из-за болезни? Что, если кто-то знал о его провалах и воспользовался ими? Что, если человек напротив него был реален, просто бариста по какой-то причине врет? Врет из-за страха, подкупа или угроз?

Ему нужны были неопровержимые факты. Объективный, беспристрастный взгляд цифрового ока.

— У вас есть видеоархив, — Краснов не спрашивал, он утверждал, указывая подбородком на черный купол под потолком. — Мне нужна выгрузка с этой камеры за вчерашний вечер. С двадцати одного нуля нуля до двадцати одного сорока.

Артем бросил взгляд на камеру, затем на следователя, и

его плечи виновато опустились.

— Я могу пустить вас в подсобку к серверу, товарищ майор, — вздохнул парень, стягивая фартук через голову. — Но боюсь, вы там ничего не найдете. Хозяин как раз сегодня утром собирался вызывать мастера. У нас со вчерашнего дня системная ошибка на жестком диске.

Сердце Ильи пропустило удар.

— В каком смысле — системная ошибка?

— В прямом. Регик щелкает, диод горит, картинка на монитор выводится в реальном времени, — Артем развел руками. — Но запись на диск не идет. Архив обрушился. Вчера где-то после обеда сеть моргнула, и блок памяти полетел. Там пусто, товарищ майор. Совсем пусто.

Краснов смотрел на баристу, и сквозь шум в ушах, сквозь панику и тошноту, в его мозгу вдруг начала проступать холодная, острая, как скальпель, мысль профессионального следователя.

Совпадений не бывает.

Слепая арка во дворе Стерхова. Потерянные сорок минут. Фальшивый свидетель. И теперь — стертый архив именно в той кофейне, где он провел час до убийства.

Болезнь могла стереть его память. Но болезнь не умела стирать жесткие диски на серверах. Кто-то подчищал за ним следы, изолируя его в вакууме его собственного безумия. Кто-то очень расчетливый играл с ним в темную. И чтобы выжить, Илье нужно было сыграть в ответ.

Сыграть в ответ означало перестать верить на слово. Болезнь приучила его сомневаться в собственных глазах, но два десятилетия следственной работы вдолбили в подкорку другой, куда более надежный рефлекс: не верить вообще никому. И особенно — напуганным мальчишкам в черных фартуках, которые слишком быстро и охотно предлагают удобные объяснения.

— Показывай, — коротко бросил Краснов, не меняя интонации. — Веди к серверу.

Артем тяжело вздохнул, явно пожалев о своей откровенности, но спорить не решился. Он бросил влажную тряпку на стойку, снял с крючка связку ключей на длинном витом шнурке и, пройдя вдоль бара, толкнул неприметную дверь из матового пластика, сливающуюся со стеной.

За дверью скрывался узкий, длинный коридор-подсобка, разительно контрастирующий с уютным, вылизанным залом для гостей. Здесь пахло хлоркой, закишим молоком из немытых питчеров и влажным картоном от сложенных стопкой коробок. Тусклая светодиодная лампа под потолком раздражающе гудела, бросая резкие, неровные тени. Вдоль левой стены тянулись металлические стеллажи с бутылками сиропов, бумажными стаканчиками и пятилитровыми канистрами с моющим средством. В самом конце этого туннеля, втиснутый между швабрами и гудящим холодильником для льда, стоял небольшой офисный стол с дешевым пузатым монитором.

Под столом монотонно шелестел кулерами стандартный китайский видеорегистратор — плоская черная коробка, покрытая слоем липкой пыли. Зеленые диоды на передней панели тревожно перемигивались в полумраке.

— Вот, — Артем махнул рукой в сторону кресла, обтянутого потертым кожаном, из которого торчали куски желтого поролона. — Садитесь, товарищ майор. Я же говорю, там смотреть не на что. На экране картинка идет, а в архив не пускает. Выдает ошибку диска.

Краснов молча втиснулся в тесное пространство между столом и стеллажом. Он не стал снимать пальто, хотя в подсобке было душно, как в парнике. Опустившись в скрипучее кресло, Илья пододвинул к себе пластиковую мышь. Она была жирной на ощупь, колесико прокрутки заедало от забившейся грязи.

Экран монитора светился синим прямоугольником стандартного интерфейса охранной системы. Сетка на четыре камеры: касса, общий зал, входная дверь и служебный выход. Изображение с камер шло в реальном времени — в пустом зале мигал неисправный дроссель над барной стойкой, а по улице за панорамным окном проносились редкие автомобили.

— Пароль администратора, — потребовал Краснов, наводя курсор на иконку «Архив» в нижнем левом углу экрана.

— Да там стандартный, никто не менял, — Артем навис над ним, опираясь руками о спинку кресла. От парня пахло

дезодорантом и застарелым табаком. — Восемь восьмерок. Мы только для кассовых споров туда лазаем, если гость говорит, что пятидесятитысячную дал, а не тысячу.

Илья ввел пароль с виртуальной клавиатуры. Система на секунду задумалась, вывесила значок песочных часов, а затем открыла окно таймлайна. Нижняя треть экрана, где должна была отображаться непрерывная зеленая полоса видеозаписи, зияла черной пустотой. Красная надпись в центре гласила: *«HDD 1: Ошибка чтения/записи. Сектор не найден»*.

— Ну вот, я же говорил, — с легким облегчением вздохнул бариста над самым ухом следователя. — Навернулся винт. Хозяин говорит, перепады напряжения в старом фонде, это нормально. Вчера днем свет моргнул, и все посыпалось.

Краснов ничего не ответил. Его глаза, воспаленные от бессонницы, жадно сканировали интерфейс. Он провел десятки часов за подобными системами, изымая их из подпольных казино, борделей и офисов проворовавшихся чиновников. Он знал алгоритмы работы дешевых видеорегистраторов лучше, чем их создатели.

Системный сбой из-за скачка напряжения выглядит иначе. При сгорании контроллера жесткого диска система вообще перестает видеть носитель, выдавая статус «HDD не обнаружен». Здесь же статус диска отображался. Диск крутился. Просто на нем не было данных.

Илья медленно передвинул курсор вверх, открывая вы-

падающее меню системных настроек, и кликнул на вкладку «Журнал событий».

— Что вы ищете? — напрягся Артем. — Может, лучше спеца дожидаться? Приедет айтишник, все восстановит...

— Помолчи, — рыкнул Краснов, не повышая голоса, но с такой тяжелой, угрожающей вибрацией, что парень мгновенно отшатнулся и замолчал.

На экране развернулась таблица системных логов. Сотни строчек мелкого белого текста на черном фоне. Каждое действие в системе: авторизация пользователя, детекция движения, изменение настроек времени. Илья прокрутил список вниз, к дате вчерашнего дня.

14:32:01 — Сеть: Потеря сигнала. 14:32:15 — Сеть: Восстановление соединения.

Это был тот самый момент, о котором говорил Артем. Скачок напряжения. Но за ним следовали десятки обычных записей о движении в кадре. Система продолжала работать. Она продолжала писать архив весь вечер.

Краснов прокрутил лог до временной отметки 21:00.

21:05:12 — Пользователь ADMIN: Успешная авторизация (IP: 192.168.1.14)

Илья прищурился.

22:42:30 — Пользователь ADMIN: Форматирование раздела логического диска. Завершено. 22:42:35 — Пользователь ADMIN: Отключение от сессии.

Следователь откинулся на спинку скрипучего кресла, чув-

ствуя, как холодный пот медленно скатывается по позвоночнику. Воздух в подсобке вдруг стал невыносимо густым, каждый вдох требовал физического усилия.

Он смотрел на строчку в логге, и цифры 22:42 выжигались на его сетчатке.

Двадцать два сорок два.

Ровно три минуты до того момента, как он «очнулся» во дворе на Васильевском острове. Ровно три минуты до того, как его взгляд сфокусировался на луже крови под телом Стерхова, а часы на руке показали провал во времени.

Архив кофейни стер не скачок напряжения. Его стер человек, зашедший в систему под правами администратора. И сделал он это именно в тот промежуток времени, когда Краснов был абсолютно беспомощен, провалившись в черную дыру собственного обострившегося психоза.

Впервые с момента постановки диагноза Илья почувствовал не только парализующий страх безумия, но и нечто другое. Острую, злую, холодную ясность.

Его болезнью пользовались.

Кто-то знал его расписание. Кто-то знал, что именно вчера вечером, накануне убийства Стерхова, Краснов заедет в кофейню на Лиговском. И этот кто-то методично зачищал следы, стирая видеозапись, которая могла доказать присутствие в зале второго человека — или, наоборот, доказать, что Краснов вел себя как законченный шизофреник.

Но главное было в другом: удаление произошло *удаленно*.

IP-адрес, указанный в логге, принадлежал локальной сети заведения.

Илья резко развернулся вместе с креслом. Артем вздрогнул и вжался спиной в стеллаж с сиропами, зазвенев стеклянными бутылками.

— Кто подключался к местному Wi-Fi вчера в десять вечера? — голос Краснова был тихим, но резал, как стеклорез. — Кто имеет удаленный доступ к вашему серверу?

— Никто, — заикаясь, выдавил бариста, округлив глаза. — В смысле... гостевой вай-фай открыт для всех, пароль на чеке печатается. А к самому регистратору только через кассовый терминал доступ есть. Ну, или через роутер в зале, если пароль от админки знать.

Илья наклонился под стол, подсвечивая себе экраном телефона. От черной коробки регистратора тянулась серая витая пара, уходящая куда-то в кабельный канал под потолком. На передней панели, рядом с гнездами для USB-флешек, виднелись свежие, микроскопические царапины на пластике — характерные следы от торопливого подключения коннектора.

— Вызывали мастера на прошлой неделе? Ремонтировали сеть? — Илья выпрямился, сверля парня тяжелым взглядом из-под насупленных бровей.

— Да, в понедельник, — кивнул Артем, нервно сглотнув. — Роутер сбоил, интернет отваливался. Приходил парень от провайдера, ковырялся тут полчаса. Сказал, порты перена-

страивал.

Краснов медленно кивнул. Пазл начал складываться, приобретая пугающие, масштабные очертания.

Это не была случайность. Это была тщательно спланированная, многоходовая операция. Кто-то заранее обеспечил себе бэкдор — скрытый вход в сеть кофейни. Кто-то знал, что Краснов регулярно бывает здесь (кофейня находилась по пути от его дома к управлению, и он часто заезжал сюда перед ночными дежурствами). Антагонист не просто стер запись, он превратил кофейню в стерильную комнату, в которой можно было безнаказанно манипулировать следователем.

А чек... Чек в кармане был оставлен специально. Как хлебная крошка. Как насмешка. Чтобы Краснов пришел сюда, начал задавать вопросы баристе, услышал историю о разговоре с пустым стулом и окончательно поверил в свое прогрессирующее сумасшествие. Враг хотел, чтобы Илья сломался сам. Чтобы он начал совершать ошибки, сомневаясь в каждом своем шаге.

Эта мысль парадоксальным образом принесла Илье мрачное, извращенное облегчение. Если против него ведется игра, значит, он не просто сходит с ума. У него есть реальный, осязаемый противник из плоти и крови. А с противником можно бороться методами, которые Краснов освоил в совершенстве.

Он поднялся с кресла, одернул тяжелое пальто и молча

двинулся по узкому коридору к выходу из подсобки. Артем поспешно вжался в стеллажи, пропуская следователя.

— Товарищ майор, так... мне айтишника вызывать? — крикнул он вслед. — Или вы аппаратуру изымать будете?

Илья остановился в дверях, не оборачиваясь.

— Вызывай, — сухо бросил он. — Пусть меняет жесткий диск. Если кто-то еще будет расспрашивать про вчерашний вечер — про меня или про камеры — ты ничего не знаешь, диск сгорел от скачка напряжения. Я проверю, Артем. Понял?

— П-понял, — эхом отозвался из полумрака бариста.

Краснов толкнул пластиковую дверь и вышел в общий зал. Звонок колокольчика над входом снова резанул по ушам, когда он шагнул на улицу.

Лиговский проспект окончательно проснулся. Утренний туман начал рассеиваться под натиском промозглого ветра с залива. Поток машин уплотнился, превратившись в сплошную, рычащую реку мокрого металла, ползущую к площади Восстания. Город жил своей жизнью, равнодушный к тому, что в одной из его точек прямо сейчас трещал по швам разум одного уставшего следователя.

Илья подошел к своей машине, достал ключи, но не спешил открывать дверь. Он стоял на тротуаре, глядя на свое нечеткое отражение в тонированном боковом стекле. Измученное лицо, глубокие тени под глазами, плотно сжатые челюсти. Человек, стоящий на краю пропасти.

Если кто-то внутри управления ведет против него игру, то это должен быть человек с высоким уровнем допуска. Человек, способный организовать прослушку, направить фальшивого мастера от провайдера, отследить перемещения Краснова и, главное, знать о его медицинском диагнозе. Список подозреваемых сужался до нескольких фамилий в руководстве Главка.

Илья достал телефон и посмотрел на экран. 07:15. До утреннего селектора оставалось чуть больше часа.

Ему нужно было возвращаться в Управление. Нужно было найти Марину и посмотреть на результаты первых сводок по Стерхову. Теперь каждый шаг, каждый взгляд коллег, каждое брошенное в коридоре слово следовало пропускать через фильтр абсолютной паранойи. Охота началась, и Краснов больше не собирался играть роль послушной жертвы.

Он провернул ключ в замке, сел в холодный салон и резко ударил по газам, встраиваясь в плотный поток автомобилей, уносящих его в сторону Литейного проспекта.

Дворники с ритмичным, резиновым скрипом смахивали грязную воду с лобового стекла, но серая пелена петербургского утра, казалось, въелась в сами триплексные слои. Илья вел машину на автомате, мышечной памятью выжимая сцепление и перекидывая передачи в вялотекущей пробке на Литейном. Город вокруг напоминал смазанную акварель: тусклые фары встречных машин, сторбленные силуэты прохожих под зонтами, свинцовая рябь в лужах.

Внутри салона пахло дешевым ароматизатором «хвойный лес» и застарелым табаком, но Краснов не обращал на это внимания. Его мозг, перестимулированный ноотропами и адреналином, работал в режиме перегруженного процессора.

Если видеоархив стерт по удаленке, значит, доступ к сети кофейни был подготовлен заранее. Если он был подготовлен заранее, значит, кто-то точно знал, что я окажусь там перед выездом на Васильевский.

Илья перестроился в правый ряд, избегая столкновения с подрезавшим его таксистом.

Вся его жизнь последних лет была подчинена жесткой, почти маниакальной рутине — это был единственный способ функционировать с разрушающимся гиппокампом. Дом, маршрут, кофейня, работа, определенные часы приема таблеток. Он сам сделал себя предсказуемым мишенью. Врагу оставалось лишь расставить силки на привычном пути и методично дергать за ниточки.

Впереди показалось массивное, угрюмое здание Главного следственного управления. Краснов свернул во внутренний двор, предъявив на КПП удостоверение. Дежурный прапорщик в будке коротко козырнул, подняв шлагбаум. Илья поймал себя на том, что внимательно, до рези в глазах всматривается в лицо прапорщика. *Это он? Или дежурный офицер на первом этаже? Или кто-то из аналитического отдела? Кто из них знает?*

Параноя пускала корни, оплетая сознание липкой паутиной. Краснов заглушил мотор, глубоко выдохнул, заставляя мышцы лица расслабиться, и вышел под морозящий дождь.

Внутри здания стоял знакомый, въевшийся в бетонные стены запах хлорной мастики, старой бумаги и влажного сукна форменных шинелей. Турникет пискнул зеленым. Илья прошел мимо дежурной части, тяжело поднимаясь по истертым ступеням лестницы на третий этаж. Люминесцентные лампы на потолке противно гудели, бросая на зеленоватые стены больничные блики. Кабинет Краснова находился в самом конце длинного коридора.

Он толкнул дверь, обитую дерматином.

В кабинете было накурено и душно. Окно, выходящее во внутренний двор, было плотно закрыто. За столом Ильи, отодвинув в сторону стопки старых дел, сидела Марина. Перед ней светился экран ноутбука, а рядом остывала кружка с недопитым чаем. Стажер выглядела измотанной: волосы собраны в небрежный пучок, под глазами наметились тени, а воротник белой блузки слегка помялся после бессонной ночи. Но ее спина оставалась идеально прямой.

Услышав скрип двери, она подняла голову. В ее взгляде на секунду мелькнуло беспокойство, когда она оценила внешний вид начальника — бледного, со впалыми щеками и лихорадочным блеском в глазах.

— Илья Николаевич, — она захлопнула папку, лежавшую рядом с клавиатурой, и поднялась. — Вы выглядите так, буд-

то ночь разгружали вагоны.

— Не до сна было, — сухо отозвался Краснов, стягивая влажное пальто и вешая его на скрипучую деревянную вешалку у двери. Он прошел к столу, на ходу расслабляя узел галстука. — Что от судмедэкспертов? Фомин звонил?

— Звонил полчаса назад, — Марина пододвинула к себе блокнот. — Предварительное вскрытие подтверждает первоначальную картину. Два пулевых. Смерть наступила мгновенно от обширной кровопотери и пневмоторакса. Время смерти — между двадцать одним тридцатью и двадцатью двумя часами. Алкоголя и наркотиков в крови Стерхова не обнаружено.

Краснов опустил в свое кресло, чувствуя, как протестующе закрипела старая пружина. Он вытащил из кармана черный блокнот и положил его на стол перед собой, словно гранату с выдернутой чекой.

— А что по нашему свидетелю? — он произнес это ровным, ничего не выражающим тоном. — Ты пробила Смирнова Дениса Алексеевича?

Марина замолчала. Она перевела взгляд с блокнота на лицо Ильи, и ее брови медленно сошлись на переносице. В кабинете повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь гудением процессора ноутбука.

— Пробила, — наконец сказала она, открывая распечатку, лежавшую под локтем. Тон ее голоса изменился. В нем пропала обычная стажерская готовность и появилась жест-

кая, недоумевающая нота. — Илья Николаевич, я не знаю, с кем вы разговаривали вчера во дворе у скамейки. Но это точно был не Денис Смирнов.

Краснов почувствовал, как желудок сжался в ледяной комок. Он откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы замком на животе.

— Продолжай.

— Смирнов Денис Алексеевич, тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года рождения. Уроженец Ленинградской области. Приметы, которые вы записали в блокнот — рост сто восемьдесят пять, особые приметы отсутствуют... все совпадает, — Марина пододвинула распечатку через стол, прямо под руки Краснову. — Кроме одной детали. Он физически не мог находиться вчера на Васильевском острове.

— Скрывается? В федеральном розыске? — Краснов продолжал играть роль следователя, который пытается найти логическое объяснение странным показаниям.

— Он мертв, Илья Николаевич, — тихо, но чеканя каждое слово, произнесла Марина. — Денис Смирнов погиб в дорожно-транспортном происшествии на Приморском шоссе. Ровно десять лет назад. Двадцать второго октября. Лобовое столкновение с лесовозом. Опознан родственниками, свидетельство о смерти выдано ЗАГСом Курортного района. В базе ИЦ МВД его паспорт аннулирован с пометкой «в связи со смертью владельца».

Слова повисли в спертom воздухе кабинета.

Краснов опустил глаза на распечатку. С черно-белой фотографии на копии старого паспорта на него смотрел молодой мужчина с усталым взглядом и чуть кривой ухмылкой. Тот самый человек, чьи данные были аккуратно, буква к букве, выведены его собственным почерком на страницах блокнота прошлой ночью.

Если бы Краснов не знал правды о стирании серверов в кофейне, в этот самый момент он бы окончательно сломался, признав свое полное безумие. Ведь только больной мозг мог вытащить из глубин подсознания имя десятилетней давности и наделить им галлюцинацию.

Но теперь он знал, что это не так. Кто-то специально вложил ему эти данные. Кто-то подошел к нему во дворе, представился этим именем, заставил Илью записать его в блокнот, зная, что память следователя не зафиксирует сам процесс контакта.

— Значит, свидетель солгал, — жестко произнес Илья, глядя прямо в глаза Марине. — Он назвался чужими данными. Нашел старый паспорт, выучил год рождения. Это не галлюцинация, Орлова, это спланированный вброс дезы. Он пустил нас по ложному следу.

Марина покачала головой, опираясь руками о край стола. — Это не имеет смысла, — возразила она, включая аналитику. — Если свидетель хотел скрыть свою личность, зачем ему брать данные официально мертвого человека? Любая пробивка по базе на следующий день — то есть прямо

сейчас — мгновенно вскрывает ложь. Зачем подставляться под мертвую душу? Почему не назвать просто случайное сочетание имени и фамилии?

— Чтобы поиздеваться? Или чтобы выиграть нам ровно одну ночь? — парировал Илья, чувствуя, как холодный пот снова проступает на висках.

— Нет, вы не поняли, — Марина перелистнула страницу распечатки. — Вы не дослушали до конца. Дело о том ДТП десятилетней давности на Приморском шоссе. Я подняла карточку из архива.

Она положила перед ним второй лист.

— Смирнов тогда был за рулем не один. С ним в машине находился пассажир, который выжил, но остался инвалидом. Пассажира звали Андрей Стерхов. Наш убитый бизнесмен. А следователем, который вел это дело о ДТП и допрашивал Стерхова в больнице... были вы, Илья Николаевич.

Воздух в легких Краснова внезапно закончился.

Он смотрел на строчку в архивной справке. *Следователь СО по Курортному району ГСУ СК РФ: капитан юстиции Краснов И.Н.*

Десять лет назад. Он вел это дело. Это была обычная авария с летальным исходом. Пьяный Смирнов вылетел на встречу. Стерхов тогда только начинал свой логистический бизнес, ехал с ним на пассажирском. Краснов закрыл дело за смертью виновного лица. Рутинная бумажная работа, которая стерлась из памяти под тяжестью сотен последующих

убийств, расчлененок и грабежей.

Ловушка захлопнулась с идеальным, математическим расчетом.

Антагонист не просто нашел мертвого человека. Он вытащил из архива дело, связывающее жертву вчерашнего убийства с самим Красновым. И заставил Илью собственноручно вписать имя мертвеца в свой блокнот.

Если сейчас этот рапорт ляжет на стол Тарасову, полковник посмотрит на него и скажет: *«Илья, ты написал в блокноте имя человека из твоего же старого дела. Человека, который погиб десять лет назад. Ты проецируешь прошлое на настоящее. У тебя поехала крыша»*. И ни одна медкомиссия в мире не встанет на сторону следователя. Его признают невменяемым. А дело Стерхова передадут другому, удобному сотруднику.

Краснов медленно закрыл блокнот. Пальцы больше не дрожали. На смену панике пришла абсолютная, ледяная ярость.

— Это подстава, Марина, — голос Краснова зазвучал глухо, без единой эмоциональной окраски, как бьющий по наковальне молот. — Кто-то очень хочет, чтобы я выглядел сумасшедшим или некомпетентным. Кто-то знал, что я вел дело Смирнова. И этот кто-то имеет доступ к старым архивам ГСУ.

Марина сглотнула. Ее глаза расширились. Она впервые посмотрела на своего наставника не как на уставшего на-

чальника, а как на человека, вокруг которого сжимается кольцо.

— Вы думаете... это кто-то из наших? — почти шепотом спросила она.

— Я ничего не думаю. Я собираю факты, — Илья сгреб распечатки и убрал их в ящик стола, повернув ключ в замке. — Никому ни слова об этом пересечении. Для всех — Смирнов оказался левым бомжом, назвавшимся чужим именем. Мы ищем дальше. Ясно?

— Так точно.

— Отлично. А теперь давай вернемся к реальности, — Краснов потер лицо ладонями, заставляя себя переключиться на процессуальную логику. — У нас есть труп Стерхова. Если он вышел из дома пешком во двор-колодец под проливной дождь в десять вечера, значит, он вышел на встречу. С кем-то, кого он знал. С кем-то, ради кого не нужно было прогревать машину. Кто мог выманить его наружу?

Марина моргнула, перестраиваясь на привычный ритм работы, и потянулась к своему ноутбуку.

— Я пробила биллинг его телефона за последние сутки. Стерхов никому не звонил после семи вечера. Но ему звонили.

Она развернула экран к Краснову. На дисплее светилась таблица соединений. Последняя строчка была выделена красным маркером.

— Входящий вызов в двадцать один пятьдесят. Длитель-

ность — сорок секунд, — отработовала стажер. — За двадцать минут до убийства.

— С какого номера? Одноразовая симка? — прищурился Илья.

— В том-то и дело, что нет, — Марина покачала головой, и в ее голосе снова появилось напряжение. — Номер зарегистрирован официально. Это домашний телефон. Квартира на Крестовском острове.

— Кому принадлежит?

— Анне Стерховой. Его законной жене, — Марина посмотрела на наручные часы. — Я проверяла статус. Они в процессе тяжелого развода с разделом имущества, живут раздельно уже полгода. Нотариусы делят активы логистической компании. Мотив налицо.

Краснов медленно поднялся из-за стола. Ледяная ярость внутри требовала выхода, требовала действий, способных разорвать паутину, в которую его загоняли.

— Значит, звоним скорбящей вдове, — жестко сказал он, потянувшись к телефонному аппарату на столе. — Посмотрим, как она объяснит, зачем выманила мужа под пули.

Пальцы Краснова легли на прохладную пластмассу телефонной трубки, но так и не сняли ее с рычага. Взгляд следователя скользнул по витому серому проводу, уходящему в распределительную коробку над плинтусом, а затем медленно поднялся к пыльной вентиляционной решетке под потолком.

Если они стерли сервер кофейни удаленно...

Мысль обожгла сознание ледяным холодом. Внутренняя АТС Главного следственного управления официально прослушивалась только по спецсанкциям. Неофициально — любой офицер технического отдела с соответствующим уровнем допуска мог поставить линию на перманентную запись, не оставляя следов в журналах. Полковник Тарасов имел такой допуск. Если Краснов сейчас позвонит жене убитого с рабочего аппарата, содержание их разговора ляжет на стол начальству быстрее, чем Марина успеет дописать протокол.

Илья резко одернул руку, словно черный пластик внезапно раскалился.

— Не отсюда, — глухо бросил он, поднимаясь из-за скрипучего стола. Он подхватил еще влажное пальто с вешалки и перекинул его через руку. — Берем твой личный мобильный. Идем.

Марина не стала задавать вопросов. За последние двенадцать часов она научилась улавливать изменившийся ритм работы своего наставника. Она молча захлопнула крышку ноутбука, сунула планшет под мышку и последовала за ним.

Они вышли из кабинета в длинный, тускло освещенный коридор. Кабинеты коллег были еще по большей части пусты — основная смена подтягивалась к восьми утра. Линолеум под ногами мягко пружинил. Краснов миновал лифтовой холл и толкнул тяжелую противопожарную дверь, ведущую на черную лестницу.

Здесь пахло бетонной пылью, сыростью и окурками, которые курильщики тайком прятали в жестяные банки из-под кофе на подоконниках. За мутным, армированным сеткой стеклом окна продолжал моросить мелкий, серый петербургский дождь. Свет сюда почти не проникал.

— Звони на громкой связи, — приказал Краснов, останавливаясь на лестничной клетке между этажами. Эхо их шагов стихло, оставив лишь гул ветра в вентиляционной шахте. — Записывай разговор на диктофон планшета.

Марина достала смартфон, быстро вбила номер из биллинга и нажала зеленую кнопку. Динамик выдал серию длинных, монотонных гудков. Краснов прислонился плечом к холодной стене, чувствуя, как пульсирует жилка на виске.

На пятом гудке связь щелкнула.

— Слушаю, — раздался из динамика женский голос. Низкий, хорошо поставленный, с легкой, едва уловимой хрипотцой, свидетельствующей о привычке к дорогим сигаретам. Никакой заспанности, несмотря на раннее утро.

— Анна Викторовна Стерхова? — ровным, процессуальным тоном начала Марина, бросив короткий взгляд на Илью. — Вас беспокоит Следственный комитет. Стажер Орлова. Со мной рядом старший следователь, майор Краснов.

В трубке повисла тишина, нарушаемая лишь легким фоновым шумом — кажется, на той стороне работал телевизор или играла тихая классическая музыка.

— Если это очередная попытка адвокатов моего мужа за-

морозить счета через ваши структуры, — голос женщины стал на градус холоднее, приобретя стальные нотки, — то передайте Андрею, что я уже подала встречный иск. Раздел активов будет проходить в суде, а не через телефонные запугивания.

Краснов сделал шаг вперед, наклоняясь к микрофону смартфона.

— Раздела активов не будет, Анна Викторовна, — тяжело, как падающий камень, произнес он. — Ваш муж, Андрей Стерхов, был убит вчера вечером во дворе своего дома на Васильевском острове. Примите мои соболезнования.

Он специально не стал растягивать паузу, ударив фактом в лоб. Это был старый проверенный прием: шок сбивает подготовленные реакции. Виновный человек в такие секунды обычно начинает суетиться, переигрывать с истерикой или задавать слишком много уточняющих вопросов о том, есть ли подозреваемые. Невинный просто не может осознать сказанное.

Анна Стерхова не сделала ни того, ни другого.

Из динамика послышался короткий, резкий выдох, похожий на звук сломавшейся спички. Затем звякнуло стекло — видимо, она поставила чашку или стакан на стол.

— Убит? — переспросила она. Интонация была пустой, словно она пробовала слово на вкус и не могла понять его значения. — Вы... вы уверены, что это Андрей?

— Оpozнание по документам и личным вещам проведено,

— продолжил Краснов, не давая ей времени на передышку. Он внимательно вслушивался в каждый нюанс ее дыхания.

— Два огнестрельных ранения. Смерть наступила мгновенно. Скажите, где вы находились вчера между двадцатью одним и двадцатью двумя часами?

Следователь ожидал возмущения, криков о бессердечности полиции, но вдова оказалась женщиной из другого теста. Бизнес-хватка, выкованная за годы брака с логистическим магнатом, взяла верх над эмоциями.

— Я находилась в ресторане «Мансарда» на Почтамтской, — голос Анны выровнялся, став почти механическим. — Ужинала с адвокатом и двумя партнерами из Москвы. Мы обсуждали детали бракоразводного процесса. Приехала туда в восемь, уехала после одиннадцати. Десятки свидетелей, камеры, чеки. Мой водитель ждал меня в машине у входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.